

2. Bahtin M.M. Prostranstvennaja forma geroja // Ego zhe. Raboty 1920-h godov. Kiev: Next, 1994. S. 105–168.

3. Bahtin M.M. K filosofii postupka // Ego zhe. Raboty 1920-h godov. Kiev: Next, 1994. S. 11–68.

4. Bodrijar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konec social'nogo. Ural: Izd-vo Ural. un-ta, 2000.

5. Viljunas V.K. Psihologija jemocional'nyh javlenij. M.: MGU, 1976.

6. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. M.: Progress, 1984.

7. Danijel' S.M. Termin i metafora v interpretacii zhivopisnogo proizvedenija // Sov. iskusstvoznanie. M., 1986. Vyp. 20. S. 47–56.

8. Leont'ev A.N. Izbrannye psihologicheskie proizvedenija: v 2 t. M.: Pedagogika, 1983.

9. Medushevskij V.V. Intonacionnaja forma muzyki. M.: Kompozitor, 1993.

10. Mezhlichnostnaja kommunikacija: teorija i zhizn' / O.I. Mat'jash [i dr.]. SPb.: Rech', 2011.

11. Nalimov V.V. Spontannost' soznaniya: Verovatnostnaja teorija smyslov i smyslovaja arhitektonika lichnosti. M.: Izd-vo «Prometej» MGPI im. Lenina, 1989.

12. Pavilenis R. Problema smysla. M.: Mysl', 1983.

13. Rejkovskij Ja. Jeksperimental'naja psihologija jemocij. M.: Progress, 1979.

14. Ritcer D. Simvolicheskij interakcionizm // Ego zhe. Sovremennye sociologicheskie teorii. 5-e izd. SPb.: Piter, 2002. S. 238–286.

15. Fokin A. K voprosu o pojeticheskoi reinterpretacii na materiale tvorcestva Iosifa Brodskogo [Elektronnyj resurs]. URL: <http://krishnahouse.narod.ru/interb.html> (data obrashhenija: 21.10.2010).

16. Shahovskij V.I. Lingvisticheskaja teorija jemocij. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2008.

17. Shahovskij V.I. Dissonans jekologichnosti v kommunikativnom krugu: chelovek, jazyk, jemocii. Volgograd: Izd-vo IP Polikarpov I.L., 2016.

18. Shahovskij V.I., Volkova P.S. Jetiko-jesticheskiy aspekt jekologii jemocij v proizvedenijah iskusstva // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika. 2015. № 1. S. 33–43.

19. Shahovskij V.I. Vozvyshenie jazykom // Mir na Severnom Kavkaze cherez jazyki, obrazovanie, kul'turu. Pjatigorsk: Pjatigorsk. gos. lingv. un-t, 1998.

20. Shahovskij V.I., Volkova P.S. Jemotivnost' kak princip poznajushhej i smysloobrazujushhej dejatel'nosti soznaniya // Mir lingvistiki i kommunikacii. 2017. № 4. S. 138–163.

21. Shhedrovickij G.P. Izbrannye trudy. M.: Shk. kul't. politiki, 1995.

22. Goleman D. The Emotional Intelligence. Why it Can Matter More than IQ?

Emotivity as a method of entering the space of interpersonal communication

The article deals with emotivity as a universal method designed to guide and correct the speech interaction of interlocutors seeking to achieve the effectiveness of interpersonal communication. The effectiveness of the methodological orientation of emotivity is illustrated by examples from artistic communication (literature, painting, music).

Key words: *emotiveness, actual and virtual emotions, individual information system, individual conceptual system, non-verbal and verbal components, communicative emotional personality, ordinary vs. artistic communication.*

(Статья поступила в редакцию 06.12.2018)

Л.А. ПИОТРОВСКАЯ
(Санкт-Петербург)

ЭМОТИВНЫЙ СИНТАКСИС: ТИПОЛОГИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Обсуждается вопрос о природе фразеологизации в синтаксисе на материале эмотивных синтаксических моделей русского языка. Предлагается применить принципы классификации лексических фразеологизмов, выделенные В.В. Виноградовым, к синтаксическим фразеологизированным конструкциям и, соответственно, выделять синтаксические фразеологические сращения, синтаксические фразеологические единства и синтаксические фразеологические сочетания.

Ключевые слова: *эмотивный синтаксис, фразеологизация, синтаксическая фразеология, синтаксическая модель, синтаксические фразеологические сращения, синтаксические фразеологические единства, синтаксические фразеологические сочетания.*

Идиоматичность значения сложных языковых единиц традиционно изучается в лексикологии. В то же время начиная с 1960-х гг. в синтаксических исследованиях, выполненных на материале различных языков, термин *фразеологизация* стал использоваться примени-

тельно к некоторым синтаксическим конструкциям (моделям) (В.Л. Архангельский, О.И. Москальская, И.П. Распопов, Л.И. Ройзензон, Н.Ю. Шведова, Д.Н. Шмелев – на материале русского языка, Д.С. Писарев, Т.М. Ушакова, Н.А. Шигаревская – на материале французского языка, Ю.П. Малинович – на материале немецкого языка и др.).

Синтаксические модели построения таких эмотивных высказываний, как *Поговори еще у меня!*; *Тоже мне, умник нашелся!*; *А еще друг называется!*; *Вот так история!*; *Ну и люди!*; *Нет чтобы подождать!* и др., часто характеризуются нетрадиционными с точки зрения современного русского языка синтаксическими связями слов, не соотносимыми с регулярными правилами сочетания синтаксем. Термин *синтаксема* используется нами в соответствии с его пониманием в работах Г.А. Золотовой: «Синтаксемой названа минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно и как носитель элементарного смысла, и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризующаяся, следовательно, определенным набором функций» [5, с. 4] (см. также: [4, с. 50]). Описание структурно-семантических особенностей ряда фразеологизированных синтаксических моделей эмотивных высказываний русского языка содержится в одной из наших работ [13, с. 10–17, 43–68]. Суть фразеологизации синтаксических моделей эмотивных высказываний заключается в том, что преобладание эмотивного компонента в их типовом значении, коррелирующее с основной коммуникативной задачей говорящего, обусловлено не отдельными компонентами, а всей моделью в целом.

Своеобразная сочетаемость структурообразующих компонентов трактуется рядом исследователей как «незавершенность» или «аграмматизм». Квалификация ряда синтаксических моделей как аграмматичных восходит к Ф.Ф. Фортунатову, синтаксическую концепцию которого критикует И.Ф. Вардуль: «Если обнаруживаются предложения, не поддающиеся истолкованию как грамматические (т. е. необъяснимые в рамках теории), это должно рассматриваться как свидетельство неадекватности теории. Такая теория не удовлетворяет требованию объяснительности» [1, с. 316]. Разделяя данное мнение, считаем плодотворным для выявления конструктивных особенностей фразеологизированных синтаксических моделей построения эмотивных высказываний ис-

пользовать термин *связанный синтаксис*, введенный в научный оборот Д.Н. Шмелевым [20], или *грамматический идиоматизм*, предложенный О.И. Москальской [11].

Осознание специфики фразеологизированных синтаксических моделей поставило на повестку дня и вопрос об их лексикографическом описании. В последнее время необходимость создания особого типа синтаксического словаря, описывающего фразеологизированные синтаксические модели, независимо друг от друга обосновывают разные лингвисты (см., например: [3; 12; 14]). Более того, уже имеются и первые опыты создания таких словарей [7–9; 10].

Если под фразеологизацией понимать «процесс стабилизации и закрепления в речевой практике данного языкового коллектива в качестве готовых (т. е. таких, которые каждый раз не создаются заново, а лишь воссоздаются, извлекаются из памяти говорящих), относительно устойчивых определенных языковых комплексов» [17, с. 114], то вслед за Л.И. Ройзензоном и О.И. Москальской надо признать, что данное явление может охватывать все ярусы языка, в том числе и синтаксический.

Фразеологизация синтаксических моделей эмотивных высказываний, примеры которых были приведены в начале статьи, состоит в том, что, несмотря на относительную свободу их лексического наполнения (ср.: *Тоже мне, герой / художник / помощник!*; *Нет чтобы подождать / помолчать / послушать!*; *Вот они – их изобретения / Вот она – наша логика / Вот он – золотой век!*), они характеризуются структурно-семантической целостностью, признаками которой являются особая сочетаемость словоформ, строгий порядок слов, отрыв ряда словоформ от обычного для них грамматического и / или лексического значения, т. е. подобные конструкции «не строятся по действующим синтаксическим правилам, а представляют собою застывшие образования, с точки зрения современных норм немотивированные и неразложимые» [19, с. 22].

Изъятие из их состава моделиобразующих компонентов полностью разрушает грамматическую структуру соответствующего высказывания. Что же касается вариантности лексического выражения номинативных компонентов, то в этой связи следует обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, эта вариантность строго регламентируется для каждой конкретной синтаксической модели разными факторами, к числу которых относятся лексическое значение и

референциальные аспекты семантики номинативных компонентов. Во-вторых, варьирование компонентного состава широко представлено и в лексических фразеологизмах, что нашло отражение не только в специальных исследованиях, но и во фразеологических словарях. К синтаксическим фразеологизмам также применим признак семантической целостности, поскольку синтаксическая модель обладает типовым значением. Особым признаком, отличающим синтаксические фразеологизмы от лексических, является закрепленность за соответствующими высказываниями определенного интонационного оформления [15]. Таким образом, синтаксические фразеологизированные конструкции обладают всеми необходимыми дифференциальными признаками, позволяющими их так квалифицировать: устойчивостью, воспроизводимостью и целостностью значения.

Признание факта наличия в языке явления фразеологизации не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне ставит вопрос о том, возможно ли при описании синтаксической фразеологии использовать те же классификационные параметры, какие были предложены В.В. Виноградовым для типологии лексических фразеологизмов: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания [2]. На наш взгляд, такая аналогия возможна.

Н.Ю. Шведова, первая в отечественном языкознании обратившая внимание на устойчивые синтаксические построения в русском синтаксисе, отметила разную степень их фразеологизации в зависимости от степени нарушения синтаксических норм. В одну группу она объединила синтаксические конструкции, максимальная степень фразеологизации которых обусловлена немотивированным с точки зрения современного языка сочетанием компонентов (например: *Чем не жених?*; *Что за церемонии!*; *Нет чтобы подождать!*). Построения другой группы, выделенной Н.Ю. Шведовой, строятся по изменившимся или устаревшим синтаксическим нормам (например: *До чего ловок!*; *Мало что (чего) не бывает!*; *Не до них*). Наименьшую степень фразеологизации автор констатирует в конструкциях, которые строятся по синтаксическим правилам современного языка и в то же время включают в свой состав компонент, утративший прямое лексическое значение, но сохранивший категориальные связи с соответствующим грамматическим классом слов, например: *Какая его*

жизнь!; *Одна рамка чего стоит!*; *Я тебе дам озорничать!* [19, с. 22, 269 и след.]. Подчеркнув синтаксическую природу разной степени фразеологизации анализируемых конструкций, Н.Ю. Шведова не проводит параллели с лексическими фразеологизмами.

В основу предлагаемой нами классификации положен признак семантической слитности, т. е. степень мотивированности целостного типового значения соответствующей синтаксической модели значением составляющих компонентов. При этом распределение синтаксических фразеологизмов по трем группам не полностью совпадает с результатами классификации, предложенной Н.Ю. Шведовой.

К синтаксическим фразеологическим сращениям могут быть отнесены типизированные модели построения эмотивных высказываний, целостное типовое значение которых абсолютно немотивированно, не выводимо ни из лексического, ни из грамматического значения составляющих [11]. Примером может служить следующая модель построения эмотивных высказываний: «вот (+ тебе) + и + существительное в им. пад. / глагол в форме прош. вр. / повелит. накл. 2-го лица ед. числа» (*Вот тебе и приятели!*; *Вот и сбежали!*; *Вот и верь после этого людям!*) с типовым значением 'выражение разочарования, обусловленного противоречием между положением дел в действительности и прогнозом говорящего'.

Обосновывая характеристику такой синтаксической модели как синтаксического фразеологического сращения, во-первых, следует обратить внимание на частицу *вот*, которая в составе фразеологизированной конструкции утрачивает указательное значение в аспекте соотношения номинативного компонента с определенным предметом объективной действительности. Доказательством этого является возможность замещения позиции номинативного компонента как существительными с абстрактным значением, так и глаголами, называющими действия, не воспринимаемые зрительно (ср.: *Вот тебе и переодевание!* *Вот и живи с этим!*). Во-вторых, необходимо отметить деэтимологизацию местоименного по происхождению компонента *тебе*. Наличие в составе анализируемой синтаксической конструкции компонента *тебе* обуславливает лишь то обстоятельство, что причиной, вызывающей эмоции говорящего, не могут быть действия адресата.

При описании значения лексических фразеологических сращений в задачи исследова-

теля входит этимологический анализ архаизмов или историзмов, вскрывающий механизм закрепления в современном языке определенного целостного лексического значения. Подобный комментарий можно дать и по отношению к синтаксическим фразеологическим сращениям, имея, однако, в виду следующее обстоятельство: в синтаксических фразеологических сращениях, в отличие от лексических, немотивированность целостного типового значения синтаксической модели обусловлена не полными словами, а производными частями. Исходное значение эмотивных высказываний, создаваемых по рассматриваемой модели, можно представить как стремление говорящего поделиться с собеседником своими чувствами, вызванными неким положением дел, к которому адресат не имеет непосредственного отношения.

Таким образом, основной причиной, определяющей немотивированность значения синтаксических фразеологических сращений, является дестимологизация структурообразующих частиц.

Группу синтаксических фразеологических единств образуют, на наш взгляд, синтаксические конструкции, омонимичные свободным синтаксическим конструкциям. К ним относятся главным образом модели построения утвердительных по форме, но отрицательных по значению эмотивных высказываний (например: *Много ты понимаешь!*; *Очень ты мне нужна!*; *Стану я читать!*). Данный тип синтаксических фразеологизмов неоднократно был предметом прежде всего фонетических исследований, поскольку главным фактором, определяющим значение омонимичных высказываний, является их интонационное оформление (см., например: [6; 21]). Своеобразие приведенных синтаксических фразеологических единств состоит в том, что целостное значение соответствующих высказываний является результатом переосмысления их значения на противоположное.

Помимо названных синтаксических конструкций, к синтаксическим фразеологическим единствам могут быть отнесены и модели построения эмотивных высказываний, омонимичных вопросительным: *Как улетать?*; *Разве ему стать чемпионом?*; *Какие они работники?* и др. Сравнение интонации вопросительных высказываний (как эмоционально нейтральных, так и эмоционально окрашенных) с интонацией эмотивных высказываний, совпадающих с ними по структуре, свидетель-

ствует о том, что в интонационной системе русского языка имеются конвенциональные интонационные средства, способные противопоставлять вопросительные высказывания эмотивным [15].

Основанием для квалификации моделей построения таких эмотивных высказываний как синтаксических фразеологических единств является сравнение их с лексическими фразеологическими единствами, отличительным признаком которых является метафорическое переосмысление свободных словосочетаний и, следовательно, наличие в языке омонимичных свободных словосочетаний. Таким образом, и лексические, и синтаксические фразеологические единства объединяет то, что в них осознается внутренняя форма, отчего и лексическое значение фразеологизма / типового значения синтаксической модели является мотивированным.

И, наконец, как синтаксические фразеологические сочетания можно квалифицировать такие конструкции, один из компонентов которых характеризуется синтаксически связанным употреблением. Проиллюстрируем этот тип фразеологизированных синтаксических моделей на примере эмотивных высказываний, обязательным структурообразующим компонентом которых является частица *что за* (например: *Что за край!*; *Что за прятки на кухне!*; *Что за манера!* и т. п.).

Н.Ю. Шведова относит такую конструкцию к числу немотивированных фразеологизированных построений, в которых «сочетание компонентов не определяется действующими в языке синтаксическими нормами» [19, с. 269]. Отличительным признаком синтаксических фразеологических сочетаний является грамматическая немотивированность при мотивированности семантической. В приведенной модели грамматическая немотивированность обусловлена, во-первых, тем, что сочетание *что за* заявляется германизмом [18, с. 155–156], а во-вторых, формой существительного: вместо винительного падежа, как того требует исконный предлог *за*, входящий в состав производной частицы, в современном русском языке закрепились формы именительного падежа. Грамматическая немотивированность данной конструкции особенно ярко обнаруживается в тех случаях, когда позиция номинативного компонента замещается другими частями речи (прежде всего – глагольными формами), ср.: *Что за не могу?*; *Что за не хочу?*; *Что за не пойду!* [16, с. 391].

Итак, если признать, что процесс фразеологизации представляет собой своеобразную языковую универсалию, можно считать универсальными и единые принципы классификации разноуровневых фразеологизмов по степени их семантической мотивированности, предложенные в свое время В.В. Виноградовым применительно к лексическим фразеологизмам.

Список литературы

1. Вардуль И.Ф. Основы описательной лингвистики. Синтаксис и супрасинтаксис. М.: Наука, 1977.
2. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Его же. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140–161.
3. Всеволодова М.В., Лим Су Ён. Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов (на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки). М.: Макс Пресс, 2002.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
5. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 3-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2006.
6. Кубарев Е.М. Интонационно-отрицательные предложения в русском языке в сопоставлении с немецким и другими языками // Учен. зап. Куйбыш. пед. ин-та им. В.В. Куйбышева. 1961. Вып. 31. С. 231–266.
7. Меликян В.Ю. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи: словарь. М.: Флинта: Наука, 2001.
8. Меликян В.Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2013.
9. Меликян В.Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели. М.: Флинта: Наука, 2016.
10. Меликян В.Ю., Остапенко И.А. Словарь фразеологизированных сложноподчиненных предложений. Ростов н/Д.: ИПО РГПУ, 2005.
11. Москальская О.И. Грамматический идиоматизм и синтагматика // Иностранные языки в высшей школе. М.: Изд-во 1-го Моск. пед. ин-та иностр. яз., 1962. Вып. 1. С. 3–10.
12. Николина Н.А. Принципы построения словаря предложений фразеологизированной структуры // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии. Гродно: ГрГУ, 2009. С. 75–77.
13. Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания в современном русском языке: учеб. пособие к спецкурсу. СПб.: Образование, 1993.
14. Пиотровская Л.А. О проекте словаря эмотивного синтаксиса // Слово. Словарь. Словесность. Текст словаря и контекст лексикографии: материалы Всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 1–13 нояб. 2009 г. / отв. ред. В.Д. Черняк. СПб.: САГА, 2010. С. 449–454.
15. Пиотровская Л.А. Роль интонации в противопоставлении эмотивных и вопросительных высказываний // Язык. Функции. Жизнь: сб. ст. в честь проф. А.В. Бондарко / отв. ред. В.Д. Черняк. СПб.: [Б. и.], 2000. С. 115–124.
16. Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2.
17. Ройзензон Л.И. Фразеологизация как лингвистическое явление // Труды Самарканд. ун-та. Нов. сер. Вып. 113. 1961. С. 101–117.
18. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л.: Учпедгиз, Ленингр. о-ние, 1941.
19. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
20. Шмелев Д.Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Вопр. языкознания. 1960. № 5. С. 47–60.
21. Яковенко А.А. Интонационный курсив в письменном художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.

* * *

1. Vardul' I.F. Osnovy opisatel'noj lingvistiki. Sintaksis i suprasintaksis. M.: Nauka, 1977.
2. Vinogradov V.V. Ob osnovnyh tipah frazeologicheskikh edinic v russkom jazyke // Ego zhe. Izbranye trudy. Leksikologija i leksikografija. M.: Nauka, 1977. S. 140–161.
3. Vsevolodova M.V., Lim Su Jon. Principy lingvisticheskogo opisanija sintaksicheskikh frazeologizmov (na materiale sintaksicheskikh frazeologizmov so znacheniem ocenki). M.: Maks Press, 2002.
4. Zolotova G.A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa. M.: Nauka, 1982.
5. Zolotova G.A. Sintaksicheskij slovar'. Repertuar jelementarnyh edinic russkogo sintaksisa. 3-e izd., ster. M.: Editorial URSS, 2006.
6. Kubarev E.M. Intonacionno-otricatel'nye predlozhenija v russkom jazyke v sopostavlenii s nemecким i drugimi jazykami // Uchen. zap. Kujbysh. ped. in-ta im. V.V. Kujbysheva. 1961. Vyp. 31. S. 231–266.
7. Melikjan V.Ju. Jemocional'no-jekspressivnye oboroty zhivoj rechi: slovar'. M.: Flinta: Nauka, 2001.
8. Melikjan V.Ju. Sintaksicheskij frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. M.: Flinta: Nauka, 2013.
9. Melikjan V.Ju. Slovar' jekspressivnyh ustojchivyh fraz russkogo jazyka. Frazeoshemy i ustojchivye modeli. M.: Flinta: Nauka, 2016.
10. Melikjan V.Ju., Ostapenko I.A. Slovar' frazeologizirovannyh slozhnopodchinennyh predlozhenij. Rostov n/D.: IPO RGPU, 2005.
11. Moskal'skaja O.I. Grammaticheskij idiomatizm i sintagmatika // Inostrannye jazyki v vysshej

shkole. M.: Izd-vo 1-go Mosk. ped. in-ta inostr. jaz., 1962. Vyp. 1. S. 3–10.

12. Nikolina N.A. Principy postroenija slovarja predlozhenij frazeologizirovannoj struktury // Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium: sb. nauch. tr. po leksikografii. Grodno: GrGU, 2009. S. 75–77.

13. Piotrovskaja L.A. Jemotivnye vyskazyvanija v sovremennom russkom jazyke: ucheb. posobie k speckursu. SPb.: Obrazovanie, 1993.

14. Piotrovskaja L.A. O proekte slovarja jemotivnogo sintaksisa // Slovo. Slovar'. Slovesnost'. Tekst slovarja i kontekst leksikografii: materialy Vseros. nauch. konf., Sankt-Peterburg, RGPU im. A. I. Gercena, 1–13 nojab. 2009 g. / otv. red. V.D. Chernjak. SPb.: SAGA, 2010. S. 449–454.

15. Piotrovskaja L.A. Rol' intonacii v protivopostavlenii jemotivnyh i voprositel'nyh vyskazyvanij // Jazyk. Funkcii. Zhizn': sb. st. v chest' prof. A.V. Bondarko / otv. red. V.D. Chernjak. SPb.: [B. i.], 2000. S. 115–124.

16. Russkaja grammatika / gl. red. N.Ju. Shvedova. M.: Nauka, 1980. T. 2.

17. Rojzenzon L.I. Frazeologizacija kak lingvisticheskoe javlenie // Trudy Samarkand. un-ta. Nov. ser. Vyp. 113. 1961. S. 101–117.

18. Shahmatov A.A. Sintaksis russkogo jazyka. 2-e izd. L.: Uchpedgiz, Leningr. o-nie, 1941.

19. Shvedova N.Ju. Oчерки по синтаксису русской разговорной речи. M.: Izd-vo AN SSSR, 1960.

20. Shmelev D.N. O «svjazannyh» sintaksicheskikh konstrukcijah v russkom jazyke // Vopr. jazykoznanija. 1960. № 5. S. 47–60.

21. Jakovenko A.A. Intonacionnyj kursiv v pis'mennom hudozhestvennom tekste: dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2007.

Emotive syntax: typology of phraseological syntactic models

The article deals with the nature of phraseologization in syntax as applied to emotive syntactic models of the Russian language. The author proposes to apply the principles of classification of lexical phraseological units, highlighted by V.V. Vinogradov, to syntactic phraseological constructions and, accordingly, to distinguish syntactic phraseological fusions, syntactic phraseological units and syntactic phraseological combinations.

Key words: *emotive syntax, phraseologization, syntactic phraseology, syntactic model, syntactic phraseological fusions, syntactic phraseological units, syntactic phraseological combinations.*

(Статья поступила в редакцию 06.12.2018)

В.А. ПИЩАЛЬНИКОВА
(Москва)

ТЕОРИЯ ЭМОЦИЙ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Теория эмоций рассматривается с позиции психологии, нейрофизиологии и лингвистики. Обосновывается представление о теории эмоций как одной из составляющих частей междисциплинарной концепции речевой деятельности.

Ключевые слова: *речевая деятельность, теория эмоций, междисциплинарность.*

Вербализованная эмоция приобретает витальную значимость для человека...
В.И. Шаховский

Цель статьи – обосновать представление о теории эмоций как одной из составляющих частей междисциплинарной концепции речевой деятельности. Теория речевой деятельности основательно аргументирована в известной концепции А.А. Леонтьева [13]. Характеризуя один из важнейших концептов психолингвистики – общепсихологическую категорию деятельности, – А.А. Леонтьев писал, что «деятельность – в высшей степени динамическая система, в ней постоянно происходят трансформации: акт деятельности утрачивает мотив и превращается в действие, реализующее другое отношение к миру, другую деятельность; наоборот, действие может приобрести самостоятельную побудительную силу и стать актом деятельности; действие может трансформироваться в операцию, начать реализовывать различные цели...» [12, с. 62].

Все эти трансформации существенно обусловлены соотношением внутренних составляющих деятельности: мотивов, ее знаковых опосредователей и операций, среди которых мотив играет ведущую роль. А на уровне психического отражения единственным представителем мотивационной сферы индивида в его наблюдаемой деятельности является эмоция [22]; более того, механизмы мотивации обеспечивают не только возникновение, но и развитие эмоций, которые, в свою очередь, могут влиять на содержательные изменения в ассоциациях. Без осознания эмоциональной мотивированности процесса деятельности невоз-